

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ПЕТРОВСКАЯ РОДНЯ ИЗ НИЖНЕГО
*Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I **

№ 34. «Царевич Алексей, сын императора Петра I» [10/14 ? декабря 1712 – 18 июня 1715] – Андрей Иванов сын Крекшин

Этот самозванец был российским подданным и, скорее всего, православным, русским. Родился он примерно в 1693–1695 году в деревне Афинеево (Афонеево, Вофиняева, Офиняева) Угличского уезда, которая находилась «близ дворцового села Богоявленского» и принадлежала его отцу. Последний – Иван Иванов сын Крекшин – «служил по Угличю в рейтарех» и относился к мелкопоместным дворянам, ибо владел одной указанной деревней, да и в той было «тринадцать дворов крестьян да четыре семьи деловых¹ людей». Мать будущего лжецаревича звалась Прасковьей Григорьевной. У него была также сестра Пелагея.

Все они жили в родовом поместье примерно до конца мая 1708 года. Тогдашней весной их деревня опустела, ибо все «люди и крестьяня от тягости податей и от скудости збежали». Крекшины побыли ещё в деревне «месяца з два и, оставя то пустое поместье и дворовое строение, летнею порою перед Петровым днём (29 июня. – *О. У.*) приехали к Москве на своих домовных лошадях».

По приезде они сняли «двор в Мещанской слободе у посацкого человека Григорья Панфилова» в приходе Троицкой церкви, что на Капельках. «И жили бес поручной записи, а живучи отец ево на том дворе, кормился, что продал деревенской свой завод², хлеб и скотину, и дочь свою Прасковью выдал замуж Тоболского полку за вахмистра Ивана Семёнова сына Кулпанова с приданым платьем. И жила она с мужем на квартире в Кадашевской слободе...» Андрей же по-прежнему «жил с отцом своим на вышепомянутом наёмном дворе». Читать и писать он так и не научился, более того, совсем отбил от рук – стал «ходить по кружалам (кабакам. – *О. У.*) пить и бражничать», играть в карты и в зернь. За это отец «бывал ево... жестоко», и тогда юноша сбежал из дома.

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2006. № 6–10, 12; 2007. № 1–3, 5.

Приблизительно 20/24 марта 1710 года он покинул Москву и направился в Симбирский уезд «к свойственнику своему к дяде троюродному... Давыду Семёнову сыну Племянникову». Тот, по словам самозванца, был комендантом «Урянского пригорода», под которым, видимо, нужно разуместь Уренско-Карлинскую слободу, располагавшуюся к западу от Симбирска на реке Урени – правом притоке Суры. В доме дяди Андрей прожил «года з два». Где-то в середине октября 1712 года дядя, «присмотря за ним пьянство, з двора от себя ево сослал, и в том пригороде жить ему заказал, и для того велел ево вывести за город денщику своему Егору Иванову». В дорогу Андрей получил 30 копеек и бараньи рукавицы «с вареги»³.

Беспутный недоросль двинулся обратно в Москву. Он планировал добраться поначалу до села Коврово Суздальского уезда, а там напроситься в попутчики к приезжим торговцам. «И идучи дорогою, пришол того ж Синбирского уезду в село Кандарати... (Кандарать на реке

Барыше – правом притоке Суры, к западу от Симбирска. – О. У.). И в том селе жил с неделю в харчевне у харчевника...»

В начале ноября он двинулся далее, «и на дороге де в Арзамаском уезде за рекою, что славёт Пьяная, в урочище Осинках воровские люди ево, Андрея, ограбили: сняли с него кавтан сермяжной, да шубу овчинную нагольную, шапку серую с чёрным овчинным околышем, да рукавицы... которое дал ему... камендат Давыд Племянников. И после де того грабежу, будучи в том же Арзамаском уезде в боярской вотчине в селе Янове... выпросил того села у старосты... кавтанишко сермяжной ветхой черной, – сказал ему, что он ограблен». Затем Андрей перебрался «в Нижегородской уезд в поместье Дмитрея Афанасьева сына Жердинского в село Пицу Косикину к крестьянину Афонасию Чернышёву с товарищи». Там он потом «жил недели с четыре у крестьянина Артемья Михайлова – работал на него всякую крестьянскую работу ис прокорму».

Утром 6 декабря 1712 года Крекшин вновь направился к Москве – по Большой Казанской дороге. Он выглядел бедняком: всё тот же выпрошенный старый кафтан, поверх него – столь же ветхая баранья шуба, на ногах – лапти. Выглядел он так: рост средний или чуть ниже среднего; плечи широкие; волосы светло-русые, «острижены по-крестьянски»; лицо плоское, без усов и бороды, кожа светлая.

Вечером 6 декабря – «в Николаев день зимняго» – Крекшин оказался в деревне Старое Борцово Терюшевской волости Нижегородского уезда, которое было частью вотчины бывшего грузинского царя Арчила II Вахтанговича. «И присмотря он, Андрей, на дворе у крестьянина Анисима Савельева многолюдство гостей, попросился к нему... начевать...». При этом Крекшин поведал, что «ехал де он из Синбирска до села Коврова, которое за Вязниковскою слободою на реке Клязме, и на дороге де за рекою Пьяною ограбили ево воровские люди» и что «после де того грабежу нынешнюю ночь начевал он в Нижегородском уезде разных помещиков в деревне Пице...». Анисим «на двор к себе начевать ево пустил и для той праздничной поры с теми своими гостями поил ево... пивом». Утром Крекшин сообщил хозяину, что «он синбиренин посадкой человек, Андреем зовут Иванов сын... и из дому от него не пошёл, а просил... чтоб ему у него, Анисима, в доме пожить малое время...» – пока ему не удастся заработать «у крестьян что ни есть себе на одежду, потому что в то время были морозы и безодежному итти к Москве было ему невозможно». Анисим уважил просьбу Андрея.

Как потом вспоминал Крекшин, «во время того ево житья он, Анисим, ево, Андрея, за нищество и что он ограблен, да и для того, что он, Андрей, работал домовную ево работу, поил ево и кормил. Также и у иных той же деревни у крестьян у трёх человек... крестьянскую их работу из хлеба работал же. Да и для того работал, чтоб ево ис той деревни они, крестьяня, не выслали. А житьём окромя того Анисима у иных ни у кого в той деревне Борцове он, Андрей, не живал. Толко о том, что он пришлой и жил у того Анисима, ведали той деревни все крестьяня и ево видали – для того, что он... ни от кого не скрывался, а ходил явно и многожды с ними, крестьяны, на улице сиживал. И живучи в доме у того Анисима, от пришлых к нему людей ни от кого в кут не прятывался. Толко когда прилучатца у него, Анисима, посторонние какие люди или стоялцы – проезжие и прохожие люди, и в то де время из избы от него, Анисима, выхаживал он, Андрей, в баню ево, Анисимову, от утеснения, а не для каковы скрывателства». Свидетели подтвердили, что о нём «ведали той их деревни Борцова все крестьяне – для того, что он, пришлой, выходя на улицу, многожды сиживал с крестьяны... и игрывал с малолетними их, крестьянскими, детьми, а ни от кого не скрывался...»

Статус наёмного работника не мешал Крекшину ходить вместе с Анисимом и его сыном Фёдором «по другим крестьянским домам» и пить в гостях праздничное пиво. Но приниженное положение всё же не устраивало Андрея, и он стал на путь самозванства. Как показали на допросе его хозяева, он «в разные времена сказывал им, что он гостиной сын, а в иные времена сказывался боярским человеком, Андреем зовут Иванов сын Страхов, а по

пьянстве, как бывал пьян, назывался великим государем царевичем и великим князем Алексеем Петровичем: а с Москвы де он сошел для того, что взял ево хмель».

В образе лжемонарха пришелец предстал перед своими благодетелями примерно 10–14 декабря 1712 года. Сам он об этом вспоминал так: «И во время де у того Анисима житья своего, будучи во пьянстве, в два пойма, сидя с ним, Анисимом, да с сыном ево... Фёдором в бане и пьючи пиво, он, Андрей, великим государем и царевичем и великим князем Алексеем Петровичем назывался – для того, что той деревни староста Яков Данилов со крестьяны говорили ему... прежде того в два пойма ж, чтоб он из деревни их Борцова шол вон – для того, что им пришлых людей держать у себя заказано, да и крестьянин де Анисим з двора от себя ссылать было ево стал же. И в те де два пойма, сидя в той бане он, Анисим, с тем своим сыном Фёдором ево... уверяя, доспрашивался, подлинно какова он чину. И по тем ево спросом для того он... благородным государем царевичем Алексеем Петровичем им и назвался собою, чтоб они з двора ево от себя не сослали и поили б и кормили, а не для какова возмущения в народ и бунту и к воровству. И таких слов говорить ево никто не научал, и кроме тех крестьян иным никому таких слов не говаривал. А сказал им, Анисиму и Фёдору, будто он с Москвы сошёл от пьянства. Толко де они, Анисим и Фёдор, тех ево слов в истинну не ставили и вместо государя царевича не вменяли, а говорили: "Невозможно де сему быть; наш государь царевичь и ныне в Санкт-Петербурхе, а ты де и в персонь ево нимало не приличен; знатно де, ты – бродящей человек; ходя, пьянствуеш"».

Свидетели «проявления» тоже утверждали, что не верили самозванцу: «И тех ево слов в правду они не ставили – для того, что он пьянствовал, и за Государя царевича не вменяли, и в народе такова соблазна никому не сказывали...»

Хотя лжецаревич среди местных жителей сторонников не обрёл, однако и не пострадал. И это при том, что о его мифической ипостаси узнали «деревни Борцова крестьяня мужеска и женска полу многие» и что пошла молва, будто он «показывал им, крестьяном, на себе знак, и сказывал: тот де знак на нём начертан, как он родился. И грамоте де и писать он умеет и говорит многими иностранными языки». Сам Крекшин потом отрицал, что говорил кому-либо о «царском знаке» на своём теле. Да и в самом деле никто никаких «знаков» у самозванца не видел. Возможно, эта деталь попала в молву без участия самозванца – из фольклорных представлений о «подлинном государе»⁴. При этом «настоящий» монарх обязательно должен был уметь читать и писать, и тут уже Крекшин себе подыгрывал. Как показал сын Анисима Фёдор, «в одно время... в разговорех

[с. 63]

сказал он, самозванец: "Я де писать умею". А при них ничего не писывал, и чернил и бумаги при нём не было».

Молва о самозванце, возможно, пошла бы и дальше, но лжецаревич примерно 18 декабря покинул Борцово, наняв хозяйского сына Фёдора, дабы тот на подводе отвёз его в село Коврово «для взятья долговых своих денег того села на крестьянех... А за провоз рядил дватцать алтын (60 коп. – О. У.) и денги обещал дать в том селе, взяв те свои долговые денги, а сам хотел остатца в том селе».

Утром 22 декабря Андрей и Фёдор прибыли в Коврово, «и въехали на постоялой крестьянской двор..., и на том дворе начевали две ночи. И с того двора днём ходил он, самозванец, на торг...» При этом он Фёдору ничего не заплатил, «да и лошади де ево, будучи в том селе на постоялом дворе, хозяину отдавать было не велел – для того, чтоб он, Фёдор, от него ис того села не уехал один». Однако знакомых Андрей не сыскал и утром 24 декабря отправился обратно. Своему возничему он пообещал заплатить позже – «выработав денги в той деревне Борцове у крестьян». Кстати, в Коврово не повезло Крекшину дважды – какому-то приезжему дьячку он заказал «писать грамотку к дяде своему Давыду Семёнову сыну

Племянникову, а велел де в той грамотке писать, чтоб он, дядя, ево, Крекшина поберёг и был бы к нему добр». Дьячок либо решил посмеяться над неграмотным заказчиком, либо тоже всего лишь делал вид, что умеет писать, – в общем, за свои деньги Андрей получил бумагу с каракулями. (Она была изъята у него при первом аресте и весьма озадачила следователей).

Вечером 27 или утром 28 декабря путешественники вернулись в дом Анисима Савельева. Фёдор стал у самозванца «просить за провоз денег, и он сказал, что взять негде: "Как де будут, тогда и отдам". И к тем словам он ж, Фёдор, говорил ему: долго л ево им кормить? И он сказал: "В чест[ь] ли де ты меня кормиш"». Тогда хозяева стали прогонять его, и 29 или 30 декабря Андрей от них ушёл.

Покинув Борцово, он отправился в деревню Сыскино – той же Терюшевской волости. Там он жил «у мордвина Василья Псаргина недели з две... работал... всякую работу ис прокорму». Затем Андрей на тех же условиях жил в деревне Шонихе «у мордвина ж Алексея... недели з две ж... А ис той деревни Шонихи пришёл он, Андрей, по-прежнему в... Борцово...» Там он оказался, видимо, вечером 29 или 30 января 1713 года.

Поначалу Крекшин хотел вновь остановиться у Анисима, но получил от ворот поворот. Его приютил Агей Михайлов, у которого самозванец «жил дни с три», причём «пустил ево жить он, Агей, для домовной же своей работы». Однако наш герой начал требовать от крестьян, чтобы они помогли ему добраться до Москвы. По словам старосты Якова Данилова, лжецаревич «стал брать подводы насилством, и сказывал у себя указы». Возможно, Крекшин пугал тем самым листом с каракулями, привезённым из Коврово. Однако Данилов подозревал, что перед ним беглый солдат. 1 или 2 февраля он поехал в село Терюшево (Терюши) и донёс на «пришлого человека» Максиму Потапову сыну Бедауру – приказчику Нижегородской вотчины Арчила П.

Вечером того же дня Бедаур с тремя помощниками и тремя крестьянами явился в Борцово. Терюшевские мужики и один из помощников Бедаура вместе с Даниловым отправились ловить самозванца. Крекшин, увидев, что по его душу пришли, покинул избу Михайлова через окно и «з двора ево, Агеева, сошёл... тайно на двор же к соседу ево... х крестьянину Мелентью Степанову и, взбежав в ызбу, спрятался было на полатах». Но тут же вбежали в избу «погонщики», сняли его с полатей и повели на старостин двор.

Бедаур с помощниками «спрашивали... ево, какова он чину, и для чего в деревню Борцову пришол, и давно л и для чего живёт. И он... ничего им не сказал и слов никаких с ними не говорил – всё молчал». Тогда они приказали раздеть Крекшина. Когда с него сняли рубаху, они «осматривали ево, Андрея, кругом» – «не бит ли он кнутом», «не пытан ли и на руках нет ли салдацких рекрутных пятен» (тогда рекрутов клеймили. – *О. У.*). Но «ничего на нём не явилось». Тем же вечером самозванец под караулом был препровождён в Терюшево, а утром отправлен в Нижний.

3 или 4 февраля он был представлен в Нижегородскую губернскую канцелярию. Комендант князь Яков Степанович Львов переправил его в тюрьму, и «держан был он... за караулом недели с четыре». Не позднее 9 февраля Андрея подвергли «роспросу». Самозванец реальные факты своей биографии обильно перемешал с вымышленными – например, сообщил, что родом он царедворец, а отец его – столник, что сестру его зовут Марфой, что из дому он сбежал «тому года с три», жил в Сызрани и что в Борцово провёл только «недели з две». За составление и хранение «воровского письма» (той самой бумаги с каракулями!) Андрея приговорили к наказанию кнутом, «чтобы впред таких писем писать не заставлявал, также и другим так делать неповадно ж было». Примерно 4–6 марта он был «бит на козле кнутом» и отпущен. За него поручился бывший подьячий Нижегородской губернской канцелярии Иван Федотов сын Белаш. (И как это Крекшин расположил его к себе?). Интересно, что осуждённый был уверен, будто его наказали за самозванство, о котором якобы донёс кто-то из его недавних знакомых. Кстати, борцовские крестьяне думали так же.

Более года лжецаревич бродил по Нижегородскому и Арзамасскому уездам. Имеется известие, что «жил он, самозванец, в нижегородской вотчине Михаила Ильина сына Чирикова

в деревне Начинье у крестьян...» Примерно летом 1714 года Андрей обосновался «в Арзамаском уезде в яшашном селе Сергиевском, Толчиха тож, у мордвина Павла Иванова» и прожил там «в работе болши полугода». Где-то в конце марта 1715 года «от того мордвина пошёл было он к Москве».

5 апреля он добрался до села Ворсмы, расположенного близ Оки на западе Нижегородского уезда и принадлежавшего князю А. М. Черкасскому. Из-за распутицы Крекшин там задержался. Он поселился на «постоялом дворе» крестьянина Афанасия Фёдорова и в течение двух суток «с того двора ходил на кабак и пил пьяное пойло безвременно». В это же время «от москвичь проезжих людей» самозванец узнал о том, что «отец де ево... Иван умре тому другой год». Может, эта весть и стала причиной его пьянства? Но беда не приходит одна. Хозяин постоялого двора, которому Крекшин был подозрителен, его «от себя ссылал, и он... не пошел». Тогда 7 апреля местные крестьяне, обзлѣнные тем, что им «чинятся безпрестанные... покражи и лошадам з дворов увод», схватили нашего героя и повезли в Нижний.

8 апреля 1715 года в губернской канцелярии Крекшину учинили «роспрос», и на сей раз доля вымысла в его показаниях была небольшой. Он лишь соврал, что прожил в «Урянском пригородке» лет с пять и что именно оттуда пришѣл в село Ворсму. Андрей не скрыл, что уже был под караулом в Нижнем Новгороде, но о самозванстве умолчал. Возможно, и на этот раз его отпустили бы, наказав кнутом, но 23 апреля новый староста Терюшевской волости, «уведав о приводе того Андрея, подал челобитную... со объявлением, что спрашивают того Андрея в Преображенской приказ в государеве великом деле». Сразу же Крекшина вызвали на «роспрос», однако речь зашла о «воровском письме» 1713 года. То, что в их руках самозванец, местные власти так и не узнали. Примерно в конце мая дело Крекшина и он сам были посланы в Преображенский приказ.

Тамошние следователи, наверное, благодарили бога за свою удачу. О том, что в нижегородской вотчине Арчила II жил «царевич», они узнали 14 февраля 1715 года от попа Григория Григорьева из села Успенского Терюшевской волости. Тут же начался «сыск». Первые подследственные прибыли

[с. 64]

[иллюстрация]

[с. 65]

в Москву 14 марта, но «роспросы» и очные ставки начались лишь 30 марта. 4 и 6 апреля показания дали бывшие приказчики Арчила II (уже покойного) – участники первого задержания самозванца. Тут и выяснилось, что нижегородские власти проворонили государственного преступника. Признал свою вину и Бедаур, который «спустя многое время слышал... в народной молве... что тому приводному в Нижнем учинено наказанье – бит кнутом... толко слышал в молве ж, будто он назывался государем царевичем... И о той молве не доносил простотою своею... и чаял он по той молве те слова в лож[ь] и крестьянские вряки». Но 15 мая в Преображенское пришла весть, что лжецаревич опять сидит под караулом в Нижнем Новгороде. Туда сразу был послан указ о высылке его в Москву.

18 июня арестант был принят в Преображенском приказе и подвергнут «роспросу». Андрей уже почти не лгал – рассказав о своей жизни, он признал себя самозванцем и тут же отрѣкся от мифической ипостаси. 22 июня был «роспрошен» Емельян Борисов. Затем были очные ставки Крекшина, Е. Борисова и С. Кривого. 5 августа лжемонарха подвергли пытке –

дали 30 ударов кнутом. «А с пытки говорил: царевичем назывался он для того, чтоб его в деревне Борцове поили и кормили». Приговор был оглашён 11 августа или чуть позднее. Андрея наказали кнутом и отправили на 15-летнюю каторгу. Что с ним случилось – неизвестно; скорее всего, на каторге он и сгинул.

Источник

РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788.

Литература

Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I (по материалам Преображенского приказа). М. 1957. С. 177–179.

Лушин А. Нижегородские самозванцы // Россия молодая. 1991. № 7. С. 73–74.

№ 35. «Царевна Наталья Алексеевна, сестра императора Петра I» [1717/1718 ? – после 1736 ?] – Девора (монашеское имя)

Настоящие имя и жизнь этой самозванки до принятия ею пострига неизвестны. Скорее всего, она была российская подданная, русская. По неподтверждённым данным – уроженка Нижегородского или соседнего с ним уезда и дворянка. Умела читать и писать. Исповедовала православие, но неофициальное – принадлежала к поповщине, одному из направлений староверия (старообрядчества)⁵. Когда и при каких обстоятельствах она приняла постриг, мы не знаем.

Уже примерно в 1706/1707 году «она Девора с протчими старицами жила в Керженском лесу⁶ за Пафнутневом починком в кельях». Скорее всего, там она и «проявилась». Это произошло, видимо, вскоре после 18 июня 1716 года – смерти настоящей царевны Натальи.

На первый взгляд, странно, что Девора (раскольница!) выдавала себя за любимую сестру Петра I (антихриста в глазах староверов) – женщину, которая одной из первых стала вести себя на западный манер. К тому же молва обвиняла Наталью в том, что она рассорила Петра с его первой женой⁷. Очевидно, самозванка изображала не ту царевну, которая жила во дворце, а другую – «подлинную». По стране гуляли слухи, что царствует «немец», которым подменили малолетнего Петра. Были уверены в этом и керженские староверы – в частности, знакомый с Деворой старец Пахомий. Возможно, самозванка тоже использовала мотив подмены, создавая свою мифическую биографию, – к примеру, рассказывала, что и её в детстве заменили «немкой», отдав на воспитание в дворянскую семью.

В новом качестве Девора установила связи с муромско-вязниковскими староверами, причём не только с поповцами, и стала получать от них всё необходимое. Она несколько раз посещала Муром и Вязники, путешествовала по Нижегородскому уезду – в частности, бывала в принадлежавших И. П. Мошкову селе Никольском (Каменка), деревнях Анкудиновка и Кутемина. В конце концов она фактически возглавила региональную общину поповцев, а также, вполне возможно, стала одним из лидеров поповщины в общероссийском масштабе. Возможно также, что ещё до 1730 года лжецаревна съездила в Польшу – в знаменитую старообрядческую общину Ветку (на реке Соже близ Гомеля).

Примерно в 1730 году Девора поселилась в лесах Муромского уезда «за Окою рекою». Она и её соратницы покинули Керженец потому, «что в том лесу кельи их згорели» (видимо, от рук «сыщиков»). Но, возможно, переселение было вызвано и появлением у самозванки недоброжелателей в среде местных «старцев». Согласно одному неподтверждённому доносу, кто-то из керженских поповцев узнал о нецарском происхождении Деворы.

В муромском скиту, помимо «стариц» Анфисы, Авдотьи (Евдокии), Иринархи, с Деворой жили и другие приверженцы её «согласия» (поповщины), – «старицы и трудники», «черницы, и белцы, и белицы». По словам «девки» Матрёны Васильевой, которая «у той старицы жила 3 год» (в 1730–1731 гг.), Девора «царевною себя называет, и тое де старицу все

живущия в муромских лесах старицы и белицы за царевну почитают. Да к той же старице присылают всякого съесного припасу муромцы... Данила Железников, Фёдор Мяздриков и Павел Самарин для того, что де оныя муромцы с тою старицею в расколе поповщине согласны, и оныя де муромцы за царевну её почитают же». Муромец Григорий Пашин даже стал проводником к скиту самозванки – после того, как в 1732 году он «к той Деворе в кельи провожал жить» свою сестру Марью и дал «милостыню» отшельницам. Навещал «царевну» и вязниковец Фёдор Малюшин. Так, зимой 1732 года он привозил обитателям её скита «на пропитание всякого хлебного запаса».

В 1731–1732 годах в новом скиту Деворы было пополнение. Во-первых, появилась монахиня Анисья. Правда, мы знаем только, что ранее она была «девкой» и что Девора её «постригла собою». Во-вторых, самозванка привезла к себе «девку» Прасковью – дочь Ивана Бирюкова, крестьянина деревни Денисцовой Владимирского уезда. Прасковья «жила у ней, старицы, в ските с полгода», и хотя верила, что «оная де старица – не простая: она де царевна», тем не менее пошла ей наперекор. Вот как «девка» вспоминала об этом: «...И хотела де меня постричь, токмо де я постригца сама не захотела и уехала де домой по-прежнему». В-третьих, некоторое время «жили в одном ските с старицею Деворою и на неё стряпали» Данила Афанасьев и его племянник Пётр – беглые крестьяне князя С. Г. Долгорукова, жившие до того в деревне Польце Муромского уезда.

Между 1731 и 1734 годами при Деворе на положении «бельца», видимо, жил какое-то время «расколоучитель»-попoveц Пётр Плешковский (раз он позднее бывал у неё как старый знакомый). Примерно тогда же «у той Деворы жил же и строил кельи» Иван Фролов Большой – крестьянин деревни Высокой (Высоково) Муромского уезда. После этого он был проводником до скита «царевны» и даже привёз к Деворе свою сестру Фёклу (по её же просьбе). Та постриглась в скиту, получив имя Федосья.

«И оную де старицу Девору... все живущия в том её ските черницы и белцы и белицы, и... вязниковцы, и протчие, которые тое Девору знали, называли царвною и прикладывались к руке её, Девориной, вменяя подлинно за царевну». В ответ «оная де Девора в праздники Господския пекла сама просвиры и раздавала в ските своём всем имеющимся старицам и белицам, вменяя вместо антидора»⁸.

Благодаря многочисленным подношениям и пожертвованиям самозванка разбогатела. Она купила у некоего Гостева землю в муромских лесах, на которой начала строить новые кельи. При этом богатство лжецаревны служило доказательством её «подлинности». Например, вот как рассуждал «расколоучитель» Борис Словоущий, крестьянин деревни Петриной дворцовой Ярополческой волости Вязниковского уезда: «У простой де столко денег не будет; либо де она царица, либо царскова рода».

Уже до конца 1731 г. Девора из муромского скита съездила в Москву. Иван

[с. 66]

Емельянов, крестьянин деревни Шустовой Муромского уезда, рассказывал, что «возил де он старицу... которая де называла себя царвною, из Мурома в Москву... А что де та старица подлинно царевна, о том де ему подлинно ведомо от муромских жителей от Данила Железникова и Фёдора Мяздрикова. И как де он, Иван, тое старицу привёз в Москву, и в дом де, в котором она жила, приезжали знатные господа к той старице на поклон. И для того де он, Иван, тое старицу признавает за царевну». Рассказчик также отмечал, что он «потаённую царевну возил в Москву з другими некоими, а не один» и что «оная старица в Москве жила в монастыре в каменной полате».

Кроме того, Девора посещала, как и раньше, Вязниковскую слободу и, переходя из дома в дом, жила у местных поповцев, которые её «называли царвною и прикладывались к руке, вменяя подлинно за царевну». Её путь к Вязникам и обратно лежал по-прежнему через

Муром, где она, видно, тоже бывала не раз. Известие, датированное концом 1732 года, гласит: «...Которая из муромских лесов старица-царевна староверка когда того города Муром в доме у... Данила Железников была, и ту де царевну зять ево Павел Самарин, и Фёдор Мяздриков, и муромской же де их камисар Осип Иванов сын Названов, и муромцы же де Иван Стулов и Григорей Фёдоров сын Пашин с протчими за царевну почитают подлинно...»

Итак, местные поповцы были в основном сторонниками самозванки. Группу же сочувствующих (знали о «царевне», но не доносили и даже рассказывали о ней другим, хотя по указу от 10 апреля 1730 года за это их ждала смерть) составляли те представители беспоповщины, которые были связаны со старцем Пахомием. Они не считали поповцев еретиками, хотя часто и спорили с ними.

Мы знаем о двух диспутах между поповцами и беспоповцами – оба были в Муроме: один – в доме Павла Самарина (конец 1732 года), другой – в доме земского писаря Александра Герасимова (6 января 1734-го). Девора почему-то на них не присутствовала. Возможно, это был её выбор, а может быть, её и не звали. Народное сознание того времени было патриархальным, и женщина (даже на троне!) считалась неполноценным существом.

Примерно в конце 1733 года Девора из лесного скита «уехала с пришедшим к ней ис Полши дьячком... на реку Ветку в монастырь». С собою лжецаревна взяла старицу Анфису. По пути она остановилась у Фёдора Бирюкова в селе Богоявленском Владимирского уезда: «И оной Бирюков с сыном и с прилучившимися подлинно её за царевну почитали». Затем Девора, по идее, должна была проехать через Муром.

В январе – феврале 1734 года она какое-то время жила в Вязниках. Сначала «царевна» остановилась у вдовы Дарьи Астафьевой, потом переехала к её сестре Анне. При этом «она старица... ходила белицею девкою в шапке и вь юпке». Затем самозванка перебралась в дом вдовы Татьяны Турицы. В это период с ней также общались и «почитали её за царевну» вдова Фетинья, Рукавишниковы, Малаховы, Котельниковы «и другия вязниковцы». Им Девора говорила, «что хочет ехат в Москву к дочери помянутой Дарьи Остафьевой, которая ту царевну знала ж...». Из Москвы дальнейший путь «царевны», видимо, лежал в Стародуб, а далее – в пограничные с Речью Посполитой леса.

Примерно с лета 1734 года она жила в Ветке с Анфисой. Позднее туда прибыли старицы Авдотья, Анисья и «белица» Марья Пашина. Последняя там приняла постриг и получила имя Маланья. Где-то в начале 1735 года Маланья и Авдотья отправились обратно в Муромский уезд. Скорее всего, они и принесли весть, что «царевна», вернувшись в Россию, сменит место жительства.

Эту новость весной 1735 года «расколоучитель» Василий Шивка (крестьянин деревни Селивановой Муромского уезда) изложил так: «В муромских де лесах жила старица, которая называла себя царевною... и ис тех де муромских лесов ездила в Полшу... а ныне де она ис той Полши выехала и хочет поселитца в кадомских лесах, которыя от города Касимова в близости, о чём ведают и муромцы Данила Железников и Фёдор Мяздриков». («Кадомские леса» были от скита Деворы примерно в 65 верстах). Но был и другой вариант этой новости – «что та царевна ис Полши выехала и хочет поселитца в кириловских лесах в Керенском, понеже де те леса великии и крепких мест много...»

Не исключено, что желание Деворы покинуть Ветку было вызвано недоверием к ней, возникшим в среде тамошних обитателей. В конце 1736 или начале 1737 года беглый поповяжниковец Иван Васильев, вернувшийся из Ветки, отозвался о Деворе так: «Та де старица – воровка и обманщица». Как бы то ни было, отъезд лжецаревны оказался вынужденным. В марте – августе 1735 года российские войска разорили Ветку и схватили большую часть её жителей⁹. Деворе же удалось ускользнуть.

В конце 1735 года она со свитой тайно добралась до слободы Мглинки Почепского уезда и нашла приют у тамошнего войта (выборного управителя) Федота Ларионова. Тот, будучи тайным старовером, помогал собратьям – «высланных из местечка Ветки российского народу разных чинов людей росколщиков (которых велено было ловить и приводить, где указом

повелено) не токмо [не] ловил, но от того их охранял и тайно близ той слободы в лесу содержал». Правда, на следствии бывший войт сознался лишь в том, что «были у него... расколнической слободы Елейки расколницы черницы человек с шесть (а имян их не знает) для прошения милостыни, и он... тех расколниц в доме у себя накормил, и оныя расколницы у него начевали одну ночь и пошли в означенную слободу Елейку по-прежнему».

Скорее всего, Девору на пути в Москву схватили и в соответствии с указами как «расколницу»-монахиню, вышедшую с Ветки, сослали «внутрь России» в монастырь под строгий надзор.

Источники

РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 16. Л. 43, 393; Д. 278. Ч. 10. Л. 129–174; Ф. 349. Оп. 1. Д. 558, 623, 656, 874, 1107, 1228.

Литература

Соколова Е. И., Тельчаров А. Д. В расколе подобна Керженцу // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 7. М. 1999. С. 20–21.

Тельчаров А. Д. Вязниковская слобода. М. 1999. С. 39–42.

Примечания

¹ Деловые люди – наёмные работники, не занятые земледелием; сельские жители, отдельные от крестьян и холопов.

² В данном случае завод – снаряжение, оборудование, орудия труда.

³ Варегии – вязаные или валеные рукавицы, надевавшиеся под кожаные.

⁴ См.: Усенко О. Г. Самозванчество на Руси : норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 54–56.

⁵ Поповцы принимали священников из официальной церкви, но подвергали их миропомазанию в знак отречения от «никоновской ереси».

⁶ Бассейн реки Керженца в Нижегородском Заволжье.

⁷ См.: Грачёва И. Царевна Наталья // Нева. 2001. № 7. С. 222–223.

⁸ Антидор – части просфоры, раздаваемые молящимся по окончании литургии.

⁹ См.: Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубе XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев. 1895. С. 300–308.